

УДК 82.091

ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КНИГЕ ГАЙДАРА БАММАТА «ЛИКИ ИСЛАМА»

З. К. Магомедова

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматривается одна из наиболее репрезентативных работ известного публициста, писателя, яркого представителя дагестанской эмиграции Гайдара Баммата. Это исследование, посвященное истории ислама, написано с позиций европоцентристского мировосприятия, что делает его интересным для традиционного исламоведения.

The article considers one of the most remarkable works by the famous publicist, writer, journalist, representative of Daghestanian emigration Gaydar Bammata. This study of the history of Islam belongs to the man of European mentality and therefore inserts new features in this problem.

Ключевые слова: история исламской цивилизации; чистота веры; религиозное сознание; классический тезис; пророческая миссия.

Keywords: history of Islamic civilization; purity of faith; the religious mentality; classical thesis; prophetic mission.

Гайдар Нажмуудинович Бамматов – известный общественно-политический деятель, юрист, талантливый писатель и публицист – родился в 1890 г. в сел. Кафыр-Кумух Темирханшуринского округа в семье поручика царской армии, впоследствии служившего начальником одного из аварских округов Дагестана.

Сам Гайдар Бамматов окончил Темирханшуринское реальное училище, после чего поступил в известную своими выдающимися выпускниками-революционерами Ставропольскую гимназию. В те же годы там проходили обучение Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев, Джалалутдин Коркмасов, Саид Габиев, Солтан-Саид Казбеков, Магомед-Мирза Хизроев и другие дагестанцы. Со многими из них Г. Бамматов поддерживал приятельские отношения, а с Дж. Коркмасовым близко дружил. Оба они после окончания Ставропольской гимназии в 1907 г. уехали в Париж и стали студентами всемирно известного Сорбоннского университета.

Вскоре после окончания учебы в Париже Бамматов назначается чиновником по особым поручениям при наместнике Кавказа в Тифлисе.

Г. Бамматов спустя время становится влиятельным общественным деятелем российского масштаба, связанным с правосоциалистическим и мусульманско-националистическим движением в России. Он поддерживает связи с дагестанцами, которые активно участвовали в общественно-демократической деятельности в российских регионах.

Октябрьский переворот Г. Бамматов не принял. Из числа верхушки национального общества было организовано Горское правительство, целью которого являлось создание национально-культурной автономии. По мнению занявшего пост министра иностранных дел Бамматова, национальный вопрос мусульман России мог быть разрешен только с учетом их исламской ориентации.

Горское правительство просуществовало недолго – с мая 1918 г. по май 1919 г. Оно было разгромлено войсками Деникина во время Гражданской войны.

После крушения всех надежд на родине Г. Бамматов, предвидя последующие события, эмигрировал за границу. Немало городов пришлось ему сменить, прежде чем он осел в Париже. Вначале был Стамбул, потом Лозанна, Париж, Кабул, различные города Европы и Азии, где он занимался дипломатической, преподавательской деятельностью. В учебных заведениях Западной Европы читал лекции по юриспруденции, выступал в печати со статьями.

Книга «Лики Ислама» (*Visageas de L'Islam*) была издана на французском языке в Лозанне в 1946 г. Вторично данный труд был издан в Париже в 1959 г. В 1956 г. в переводе Адила Зиярета книга «Лики Ислама» была издана на арабском языке

в Каире. В 90-е годы была переведена на русский язык Аидой Казаковой и напечатана в трех номерах журнала «Наш Дагестан» в неполном объеме [1].

Книга состоит из девяти глав. В плане жанровом данное произведение носит синкретичный характер. Помимо того, что текст выполняет познавательную (когнитивную) функцию, в нем имеется еще и дополнительная функция – пропагандистская (т.е. публицистическая). В плане эстетическом книга привлекает изяществом стиля, отсутствием смысловых нагромождений, четкостью и ясностью характеристик.

Ценным качеством рассматриваемого произведения является воссоздание многоплановой картины зарождения и развития исламского мира на разных этапах его бытования, когда в процессе характеристики ситуаций переплетаются политические и нравственные, правовые и экономические, эстетические и философские характеристики и суждения.

Следует отметить еще одну характерную черту данного труда: при всей заметной вовлеченности автора в исламский религиозный контекст это все-таки текст, созданный человеком европейского менталитета, что делает его свободным от некоторых усложнений темы, присущих исламским теологам. Его взгляд, слегка отстраненный, помогает дать облегченную модель предмета исследования, но эта легкость способствует усвояемости его европейской публикой, которой, по существу, данное исследование и адресовано.

В первой главе «Взгляд на исламский мир» приводится обзор географических и этнологических параметров исламского сообщества, объясняется, чем обусловлено широкое распространение этой религии в мире. «Если в Европе возникновение национальных государств окончательно разбило единую христианскую нацию средневековья, то духовному единству исламского мира не помешали ни образование независимых государств на обломках империи Омеядов, ни современный национализм, который распространен в различных частях древней Османской империи и других регионах», – пишет Г. Баммат [2, с. 63].

О широком культурном кругозоре Г. Баммата свидетельствует и его описание положения Ислама в Турции, Индии, Индонезии в связи с политическими событиями, произошедшими в этих странах в XX в. Касается он и вопроса о российских мусульманах, отмечая, что официальные сведения о распаде исламского отряда в 30 млн мусульман в Советском Союзе оказались ложными. «Усилия советского правительства, которое в течение 40 лет ожесточенно нападало на Ислам, впрочем как и на Христианство, дало ничтожные результаты» [2, с. 64].

В конце этой небольшой главы он приходит к выводу, что есть факт, характерный для психологии исламских народов, важность которого нельзя недооценивать: «Большинство мусульман, освобожденных от всякой веры, даже те, которые охотно называют себя “атеистами”, носят неизгладимую печать Ислама. Тысячелетнее наследие образования, в духе Корана и древних традиций, отложилось в недрах их подсознания. Оно сформировало их нравственное бытие и навсегда определило их поведение. Их манера мыслить, чувствовать, их инстинктивное отношение к реалиям жизни и смерти мало отличается от их единоверцев, оставшихся верными учению Пророка.

Во всех исламских странах образ мусульманина более или менее схож. Правда, характерные черты этого образа несколько ослаблены у тех, кто ощутил влияние западной цивилизации, но они очевидны у верующих, которые сохранили чистоту своей веры» [2, с. 64–65].

Особое значение для всего исследования имеет глава вторая – «Краткое изложение учения Ислама», которой предпослан эпиграф из Гете: «Если таков Ислам, не мусульмане ли мы все?».

В данной главе автор обнаруживает широту взгляда на общие вопросы и глубину специальных знаний, полученных еще в период обучения в Сорбонне, и позже, в годы проживания в Париже и других европейских центрах цивилизации. Начинается глава с того, что Г. Баммат подвергает критике существующее в Европе неприятие Ислама. Он отмечает: «Редко какая религия была так непризнанна и искажена, как Ислам; редко какие гротескные предположения и наглая клевета

нашли столько доверия у широкой европейской публики, как те, что распространялись о Мухаммаде и его учении.

Смутное воспоминание о борьбе, которую христианский Запад вел против мусульманского Востока, запятнало взгляды на Ислам. Сколько бессмысленных басен ходит о Пророке, сколько абсурдных мифов о нетерпимости и фанатизме мусульман приняты как неоспоримые догмы» [2, с. 64–65].

При всем том автор отдает должное тем людям, известным писателям и ученым арабистам, мнение которых шло вразрез с общепринятым в Европе. Первым в этом ряду называется имя французского поэта и философа Ламартина. Автор приводит его слова о Пророке как назидание для тех, кто мало знаком с истинным положением дел: «Никогда, – говорит великий поэт, – человек не ставил перед собой, вольно или невольно, такой возвышенной цели, потому что эта цель была сверхчеловеческой: подорвать суеверия, поставленные между творением и творцом, вернуть Бога человеку и человека Богу, возродить разумную святую идею божества в этом хаосе материальных и искаженных божеств идолопоклонничества... Никогда человек не совершал за столь короткое, в историческом измерении, время такую громадную и распространенную в мире революцию, так как менее чем за два века после начала своего проповедования Ислам господствовал в трех Аравиях, завоевал Персию, Хорассан, Западную Индию, Сирию, Египет, Эфиопию, всю Северную Африку, множество островов Средиземноморья, Испанию и часть Галлии.

Если величие замысла, ограниченность средств, безграничность результата составляет три мерки сознания человека, то кто осмелился сравнить какого-нибудь великого деятеля современной истории с Магомедом? Те основывали только материальные державы, часто разрушавшиеся после них.

Этот потряс армии, законодательства, империи, народы, династии, миллионы людей на трети земли: но более всего он потряс идеи, верования, души. Он основал по книге, каждое слово которой стало законом, духовную общность, охватывающую народы всех языков и рас.

Он внушил, как неизгладимую черту мусульманской общности, ненависть к ложным богам и страсть к Богу единому и нематериальному.

Философ, оратор, апостол, законодатель, воин, основатель идей, реставратор разумных догм, богослужитель, создатель 20 земных империй и духовного царства – вот таков Магомед. По всем масштабам, которыми измеряют величие человека, какой человек был более велик?».

Эти замечательные слова достойны того, чтобы войти во все книги, посвященные Исламу и личности Пророка.

Сам Г. Баммат, осознавая это, добавлял: «С нашей стороны было бы рискованно добавить что-нибудь к портрету Пророка, нарисованному Ламартином» [2, с. 65].

Тем не менее он добавил к описанию образа Пророка много черт, начиная с его скромности и отсутствия претензий на какую-нибудь «роль», нежели «провозвестника божественной речи».

Он приводит строки Корана, обращенные к Мухаммаду: «Я не новинка среди посланников, и не знаю я, что будет сделано со мной и с вами. Я лишь следую за тем, что мне внушено; я только явный увещатель» (Коран, 46; 8:9).

По мере изложения в каждой главе выделяются основополагающие для доминирования четкой позиции читателя факторы. В текст вкрапливаются многочисленные выдержки из Корана, подтверждающие справедливость сказанного.

Раскрываются основные доминанты мусульманского мировосприятия, и в первую очередь религиозного сознания. «Идея Бога, который становится человеком, находится в противоречии с концепцией божественной трансцендентности. Мусульманин отказывается от искушения соединить божественное и человеческое в единую реальность. Он видит в этом пережиток античного мифа о Боге, преданном смерти и воскрешенном, который можно найти как в греческой мифологии, так и в египетской религии.

Искушение человеческого рода, ответственного за грех Адама, далекого предка, жертвой невинного, кажется ему несовместимым ни с божественной, ни с человеческой справедливостью» [2, с. 68].

Г. Баммат особо выделяет мысль: «Символ веры, четкий и ясный, содержится в трех строках. Он может сводиться к просто формуле: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммат – Его Пророк» [2, с. 69].

Строя легкую конструкцию своего изложения, автор рассчитывает на просвещенного европейского читателя, знакомого с постулатами Ветхого и Нового Завета, и, как и вся послевоенная Европа, постепенно отходящего от веры в Творца. Тем не менее Г. Баммат не отказывается от своей темы и добавляет все новые аргументы в эту своего рода публицистическую «проповедь», вплетает все новые звенья в цепь своих логических рассуждений. Заведя разговор о пресловутом мусульманском фатализме, или, как его называют, «фатализм Ислама»,

Г. Баммат полагает, что это определение мусульманского спокойствия является необоснованным. Он пишет, что «останавливаясь только на факте детерминизма, который является другим словом для обозначения того же понятия в основе поиска современных ученых, можно предположить, что Коран не более фаталичен, чем другие Священные книги» [2, с. 71].

Он приводит выдержки из известного трактата «Беседы Гете с Эккерманом»: «Гете говорит Эккерману: “Они внушают молодежи убеждение, являющееся принципом их религии, что не может ничего произойти с человеком, который давно устроен всемогущим Богом. Так они вооружены и спокойны всю жизнь.

Я не искал, что может быть верного или ложного, полезного или вредного в этом учении, но в глубине души каждого из нас есть что-то от этой веры, даже если мы ее не изучали. Пуля, которая не носит моего имени, не достигнет меня, говорит солдат во время сражения. Как бы он мог сохранить мужество и хорошее настроение без этой уверенности, которая его сопровождает во время больших опасностей?”» [2, с. 69].

На протяжении всего повествования Г. Баммат ведет своего рода заочную дискуссию с противниками ислама. Он приводит их тезисы и обвинения, а затем с помощью логически построенных и научно обоснованных рассуждений нейтрализует их. Он пишет, что историки, враждебные мусульманской религии, объясняли быстрое и всеобщее распространение Ислама на Востоке силой арабского оружия. «По их мнению, именно принуждение и насилие обеспечили обращение завоеванных народов. Это классический тезис. Он поддерживается большинством западных писателей и укрепился как аксиома в общественном сознании. Однако достойные арабисты и историки всегда выступали против этой слишком упрощенной и злобной теории» [2, с. 72].

Здесь же приводятся слова аббата Мишо, автора книги «История крестовых походов»: «Мухаммад запретил своим воинам убивать монахов, потому что они – люди молитвы. Когда Омар захватил Иерусалим, он не причинил никакого вреда христианам. Когда крестоносцы завладели священным городом, они без жалости истребляли мусульман и сжигали евреев». В другой своей книге «Религиозное путешествие на Восток» аббат Мишо пишет: «Религиозная терпимость, которая является законом милосердия для всех народов, нам была преподана мусульманами».

«Гюстав Ле Бон был еще более конкретен», – сообщает Г. Баммат – и приводит его слова: «Сила была не нужна в распространении Корана, т.к. арабы никогда насильно не навязывали побежденным своей религии. Если христианские народы обращались в веру своих завоевателей, то это потому, что новые завоеватели были более справедливы по отношению к ним». (Из книги «Цивилизация арабов»).

В работе Г. Баммата приведены оценки исторических условий, приведших к расцвету Ислама вначале на территории Аравии, а затем его распространения в Византии, Персии, Сирии, Египте. Обнаруживая блестящие познания в вопросах истории вообще, а также истории античных культур и истории религий, автор книги ясно и доходчиво рисует картину распространения Ислама.

«... Мухаммад был не только Пророком большой религии, которая отвечала духовным нуждам мира, жаждущего чистого монотеизма, он стал также провозвестником одной из самых больших социальных и международных революций, которые история когда-либо знала» [3, с. 42]. Эта концептуальная мысль автора раскрывается на конкретных исторических примерах на протяжении всего исследования. Обращает на себя внимание высокая компетентность автора в

прослеживании им путей влияния мусульманской цивилизации на европейскую культуру. Оживленная и обогащенная арабо-мусульманскими завоеваниями, античная культура Европы подготовила эру Ренессанса.

Интересными представляются рассуждения Г. Баммата об исторических периодах, обладающих различной степенью религиозной активизации внутренних человеческих ресурсов.

Г. Баммат еще раз подтверждает свою соотнесенность с европейской, и только с ней, культурой и воспроизводит свои мысли в дискурсе европейского научного мышления. Он косвенно исключает метафизическую основу возникновения Ислама и переводит все свое исследование на позиции сугубо историко-когнитивного познания. Возможно, это был единственный путь для публикации и признания его просвещенными читателями в Европе.

Тем не менее здесь уже силен элемент личной причастности к мусульманской культуре, заметно стремление донести до европейского сообщества богатство смыслов, кроющихся за этими словами, показать достижения мусульманских народов, которые ко времени написания данного труда уже пришли в упадок.

Г. Баммат неоднократно подчеркивает мысль об исламском расцвете как предшественнике культурных сдвигов там, где укрепилось мусульманство. «В эпоху, когда остальная Европа была погружена в варварство, – приводит он слова Гюстава Ле Бона, – Багдад и Кордова, два больших города, где господствовал Ислам, были очагами культуры, освещавшими мир своим сиянием».

Он комментирует это высказывание: «Бесчисленные народы этих регионов, находящиеся в горниле Ислама, участвуют и сотрудничают в развитии одной из самых величественных духовных и материальных цивилизаций, которые мир когда-либо знал» [4, с. 21].

Проникая в смысл и значение судьбоносных для мира событий, оценивая результаты новаций, привнесенных Исламом в различные страны и континенты, Г. Баммат отмечает наиболее существенные этапы динамики развития арабо-мусульманской культуры и политики. Высокая образованность автора, его интеллектуальный потенциал выражается в умении различить за множеством порой разнородных фактов истории силовые поля, течения, направляющие ход событий, объяснить читателям связь этих событий. Это связано с широтой видения Г. Баммата событий мировой истории, с системностью подхода к анализу различных сдвигов в историческом прошлом мусульманского мира, желанием и умением свести воедино сведения научного характера, приведенные с различных точек зрения. Так, отмечая причины упадка мусульманской цивилизации в главе с одноименным названием, он называет ряд причин различного характера.

Отмечается, что начиная с XIX в. возникает полный разрыв между западной и восточной мыслью, связанной со вступлением Европы на путь открытий и технических достижений. На этом пути Европа достигла мощного политического процветания и материального благосостояния. При этом Г. Баммат подчеркивает мысль о том, что за этим взлетом не последовал нравственный прогресс. «В своей слепой вере во взаимосвязь технического и нравственного прогресса Запад способствовал ограничению своих духовных горизонтов. Моральные принципы западного общества, основанные на учении Христа, понемногу уступили дорогу рационалистическим и позитивистским философским системам, которые в конце привели к диалектическому материализму» [4, с. 22].

Что же касается мусульманского Востока, то он, как отмечает автор, «затерялся в абстракциях и оторвался от реальности. За этим последовала долгая и тягостная летаргия. Следствием этого стал политический и экономический упадок. Запад не замедлил извлечь отсюда выгоду для своих эгоистических целей» [3, с. 42].

Названные причины не являются единственными, и Г. Баммат полагает, что поиск общих причин упадка Ислама «является волнующей и интересной темой. Удивительно, – пишет он, – что она еще не нашла своего глубокого исследования» [3, с. 43].

Возражая критикам Ислама, которые говорят о невосприимчивости этой религии к научному прогрессу, он замечает: «... если бы Ислам действительно был невосприимчив к научному прогрессу, то как же случилось, что именно в первые века хиджры исламский мир встал во главе цивилизации и что именно мусульманским ученым, и только им, принадлежит заслуга самых больших открытий

того времени во всех областях человеческого познания. Это были времена, когда утверждалась самая пылкая мусульманская вера и когда учение Пророка сохраняло еще свою первозданную истину...» [3, с. 42].

В поисках истины он высказывает собственное мнение, сожалея, в первую очередь, о тех изменениях, которые претерпела духовная позиция сохранения первозданности истины.

«Интеллектуальный либерализм и склонность к экспериментированию, характеризовавшие начало мусульманской цивилизации, уступили место догматическим спекуляциям, взятым на вооружение чисто формалистской ортодоксией. Критический дух был подавлен. Теологические и юридические учения, доведенные до крайности, вытесняли из школ чисто научные дисциплины для того, чтобы стать главным и даже единственным занятием мусульманских ученых» [3, с. 44].

Эта мысль, будучи развитой дальше и осмысленной до конца, вероятно, могла бы быть полезной и в наше время неопитского бума в Исламе.

В работе Г. Баммата отображены исторические процессы мирового масштаба как совокупность бесконечно разнообразных политических и социальных ситуаций в их культурных проявлениях. Этот внушительный по масштабу и многоаспектный по тематическим аспектам материал заключен в не слишком обширные рамки.

Рассмотрение данного труда, так же как и произведений других представителей дагестанской политической эмиграции, служит цели хотя бы отчасти увидеть тот интеллектуальный потенциал, которым обладал каждый из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дугричилов М.* Свобода в поисках признания. Политический портрет Гайдара Баммата // Наш Дагестан. 1975. № 176–177.
2. *Баммат Гайдар.* Лики Ислама // Наш Дагестан. 1995. № 176–177.
3. Там же. № 178–180.
4. Там же. № 181–183.

*Поступила в редакцию 24.01.2013 г.
Принята к печати 26.06.2013 г.*